

На город опускались летние сумерки. Из дверей бильярдной, где мягко постукивали шары, вышли трое молодых мексиканцев подышать теплым вечерним воздухом, а заодно и поглядеть на мир. Они то лениво переговаривались между собой, то молча смотрели, как по горячему асфальту, словно черные пантеры, скользят лимузины или, разбрасывая громы и молнии, проносятся трамваи, затихая вдаль.

- Эх, - вздохнул Мартинес, самый молодой и самый печальный из троих. - Чудесный вечер, а, ребята? Чудесный...

Ему казалось, что в этот вечер мир то приближается к нему, то снова отдаляется. Снующие мимо прохожие вдруг оказывались словно на противоположном тротуаре, а дома, стоящие на расстоянии полумили, вдруг низко склонялись над ним. Но чаще люди, машины, дома были где-то по ту сторону невидимого барьера и были недосыгаемы. В этот жаркий летний вечер лицо юного Мартинеса застыло, словно скованное морозом.

В такие вечера хорошо мечтать... мечтать о многом...

- Мечтать! - воскликнул тот, которого звали Вильянасул. У себя в комнатухе он вслух громко читал книги, но на улице всегда говорил почти шепотом. - Мечтать - это бесполезное занятие безработных.

- Безработных? - воскликнул небритый Ваменос. - Вы только послушайте! А кто же мы, по-твоему? У нас ведь тоже нет ни работы, ни денег.

- А значит, - заключил Мартинес, - нет и друзей.

- Это верно. - Взгляд Вильянасула был устремлен в сторону площади, где тихий летний ветерок шевелил кроны пальм. - Знаете, чего бы мне хотелось? Мне хотелось бы пойти на площадь, потолкаться среди деловых людей, побеседовать с теми, кто приходит туда по вечерам, чтобы поговорить о делах на бирже. Но пока я так одет, пока я бедняк, они не станут со мной разговаривать. Ничего, Мартинес, зато у нас троих есть дружба. А дружба бедняков - это что-нибудь да значит. Это настоящая дружба... Мы...

В эту минуту мимо прошел красивый молодой мексиканец с тонкими усиками; на каждой руке у него повисла хохочущая девица.

- Madre mia! - хлопнул себя по лбу Мартинес. - А как вот этому удалось подцепить сразу двух подруг?

- Ему помог его красивый белый костюм. - Ваменос грыз свой грязный ноготь. - Видать, он из ловкачей.

Прислонясь к стене, Мартинес провожал взглядом хохочущую компанию. В доме напротив открылось окно четвертого этажа, и из него выглянула красивая девушка; ветер ласково заиграл ее черными волосами. Мартинес знал эту девушку вечность: целых шесть недель. Он кивал ей головой, он приветственно поднимал руку, улыбался, подмигивал, даже кланялся ей на улице или когда, навещая друзей, встречал ее в вестибюле дома, в городском парке, в центре города. Но девушка подставила лицо ветру. Юноша не существовал для нее - его словно и не было.

- Madre mia! - Мартинес отвел от нее взгляд и снова посмотрел вдоль улицы; мексиканец и девицы уже заворачивали за угол. - Эх, был бы у меня такой костюм! Мне не нужно даже денег, только бы иметь приличный костюм.

- Не знаю, стоит ли советовать, - вдруг сказал Вильянасул, - но что, если бы тебе повидаться с Гомесом? Он уже месяц что-то толкует насчет костюма. Я пообещал ему, что войду в пай, лишь бы отвязаться. Уж этот Гомес!

- Эй, приятель, - раздался чей-то тихий голос.

- Гомес! - Трое друзей обернулись и с любопытством уставились на подошедшего.

С какой-то странной улыбкой Гомес вытащил бесконечно длинную желтую ленту, которая заплескалась и зашелестела на ветру.

- Гомес! - воскликнул Мартинес. - Зачем тебе портновский метр?

Гомес расплылся в улыбке.

- Хочу снять мерку.

- Мерку?

- Стой спокойно. - Гомес окинул Мартинеса оценивающим взглядом. - Caramba! Где же ты был все это время? А ну-ка, давай!

Мартинес почувствовал, как ему измеряют длину руки, ноги, затем объем груди.

- Стой спокойно! - покрикивал Гомес. - Руки - точно. Ноги, грудь - великолепно! А теперь быстрее рост! Пять футов, пять дюймов! Подходишь! Давай руку! - Тряся Мартинесу руку, он вдруг воскликнул: - Подожди, а есть у тебя десять долларов?

- У меня есть! - Ваменос помахал грязными бумажками. - Сними мерку с меня, Гомес.

- Весь мой капитал - это девять долларов девяносто два цента. - Мартинес пошарил в карманах. - Ты считаешь, что этого хватит на новый костюм? Как же так?

- А так. Потому что у тебя подходящий размер!

- Сеньор Гомес, но я совсем не знаю вас...

- Не знаешь? Ничего, теперь мы будем жить вместе. Пошли!

Гомес исчез в дверях бильярдной. Мартинес, сопровождаемый деликатным Вильянасулом и подталкиваемый нетерпеливым Ваменосом, тоже очутился в бильярдной.

- Домингес! - позвал Гомес.

Разговаривавший по телефону Домингес подмигнул вошедшим. В трубке пронзительно пищал женский голос.

- Мануло! - крикнул Гомес.

Мануло, опрокидывавший в рот содержимое винной бутылки, обернулся.

Гомес указал на Мартинеса.

- Я нашел нам пятого партнера!

Домингес ответил:

- У меня свидание, не мешай... - и вдруг умолк. Трубка выпала у него из рук. Маленькая черная записная книжка, полная имен и телефонов, быстро исчезла в кармане.

- Гомес, ты?!.

- Да, да! Давай скорее деньги. Выкладывай!

В телефонной трубке продолжал пищать женский голос.

Домингес в нерешительности поглядывал на трубку. Мануло поглядывал то на пустую бутылку, которую продолжал держать в руках, то на вывеску винной лавки напротив. Потом Мануло и Домингес неохотно выложили по десять долларов на зеленое сукно бильярдного стола.

Измученный Вильянасул последовал их примеру. То же самое сделал и Гомес, толкнув в бок Мартинеса. Мартинес пересчитал смятые бумажки и мелочь. Гомес жестом опытного крупье сгреб деньги.

- Пятьдесят долларов! Костюм стоит шестьдесят! Нам нужно еще десять долларов.

- погоди, Гомес! - воскликнул Мартинес. - Ты говоришь об одном костюме? Упо?

- Упо! - Гомес поднял кверху палец. - Один великолепный летний костюм цвета сливочного мороженого. Светлый-светлый, как луна в августе.

- Чей же он будет?

- Мой! - крикнул Мануло.

- Мой! - крикнул Домингес.

- Мой! - крикнул Вильянасул.

- Мой! - крикнул Гомес. - И твой, Мартинес. Друзья, покажем ему, а? Становитесь - ка все в ряд.

Вильянасул, Мануло, Домингес и Гомес выстроились в ряд у стены бильярдного зала.

- Мартинес, становись и ты тоже! А теперь, Ваменос, положи нам на головы бильярдный кий.

- Сейчас, Гомес, сейчас.

Мартинес почувствовал, как на его макушку лег бильярдный кий, и высунулся вперед, чтобы посмотреть, что происходит.

- О! - воскликнул он.

Кий ровно лежал на головах пятерых парней. Ваменос, широко улыбаясь, легко двигал его взад и вперед.

- Мы все одного роста! - вскричал Мартинес.

- Одного! - засмеялись приятели.

Гомес пробежал вдоль шеренги, шелестя желтым портновским метром, прикладывая его то к одному, то к другому юноше, отчего те смеялись еще громче.

- Точно! - заявил он. - Подумайте только, понадобился месяц, целых четыре недели, чтобы подобрать четырех парней одинакового роста и сложения. Целый месяц я искал и снимал мерки. Мне попадались парни ростом в пять футов и пять дюймов, но они были либо слишком толсты, либо слишком тонки. Иногда у них были длинные руки или слишком длинные ноги. Эх, ребята, если бы вы знали, скольких пришлось обмерить! А теперь нас пятеро совсем одинаковых - в плечах, и в груди, одинаковая длина рук и одинаковый вес! Ох, ребята!

Мануло, Домингес, Вильянасул, Гомес, а за ними и Мартинес встали один за другим на весы; весы-автомат, пощелкивая, выбрасывали билетки с обозначенным на них весом. Ваменос, улыбаясь во весь рот, кидал в автомат монетки. С бьющимся сердцем Мартинес прочел свой билетик.

- Сто тридцать пять фунтов... сто тридцать шесть... сто тридцать три... сто тридцать четыре... сто тридцать семь... Это чудо!

- Нет, - сказал Вильянасул, - это просто Гомес. Они улыбались своему доброму гению, а он сгреб их всех в охапку.

- Ну не молодцы ли мы, ребята? - удивлялся он сам. - Все одного роста, и у всех одна мечта - костюм! Каждый из нас будет красавцем по крайней мере один день в неделю, а?

- Я уже не помню, когда я был красивым, - сказал Мартинес. - Девушки шарахаются от меня.

- Теперь они остолбенеют от восхищения, когда увидят тебя, - сказал Гомес, - увидят в новеньком летнем костюме цвета сливочного мороженого.

- Гомес, - сказал Вильянасул, - можно мне задать тебе вопрос?

- Конечно.

- Когда мы купим этот прекрасный летний костюм цвета сливочного мороженого, не может случиться так, что ты наденешь его, сядешь в автобус и уедешь в Эль-Пасо эдак на годик, а?

- Вильянасул, Вильянасул, как можешь ты такое говорить?

- Что видят глаза, то говорит язык, - сказал Вильянасул. - А помнишь беспроигрышную лотерею, которую ты устроил и в которую так никто и не выиграл? Или компанию "Перец с мясом и фасолью", которую ты задумал создать, но только задолжал за аренду помещения?

- Ошибки молодости, - сказал Гомес. - Ну, довольно. В такую жару обязательно кто-нибудь купит наш костюм. Он стоит в витрине магазина "Солнечные костюмы фирмы Шамуэй". У меня есть пятьдесят долларов. Нам нужен еще один партнер.

Мартинес видел, как ищущий взгляд друзей пробежал по залу. Он тоже стал разглядывать присутствующих. Глаза его миновали, не останавливаясь, Ваменоса, затем неохотно вернулись к нему; он увидел грязную сорочку Ваменоса, толстые, желтые от никотина пальцы.

- Я! - наконец не выдержал Ваменос. - Снимите мерку с меня! Мои руки слишком велики от рытья канав, это верно, но фигура...

В эту минуту Мартинес снова услышал на тротуаре шаги несносного мексиканца и его хохочущих девиц.

Тень беспокойства, словно летняя тучка, пробежала по лицам друзей.

Ваменос медленно ступил на весы и опустил в автомат монету. Зажмурив глаза, он начал шептать слова молитвы:

- *Madra mia*, прошу тебя...

Автомат щелкнул и выбросил билетик. Ваменос открыл глаза.

- Смотрите! Сто тридцать пять фунтов! Еще одно чудо!

Все смотрели на билетик в правой руке Ваменоса и на засаленную десятидолларовую бумажку в левой.

Гомес дрогнул. Покрывшись испариной, он облизнул губы. Затем его рука рванулась вперед и схватила деньги.

- В магазин! За костюмом! Пошли!

Они бросились из бильярдной.

В забытой телефонной трубке все еще пищал женский голос. Мартинес, выбегавший последним, повесил трубку на рычаг. Во внезапно наступившей тишине он покачал головой.

- Santos, это сон! Шесть человек и один костюм. Что-то будет? Безумие? Поножовщина? Убийства? Но я иду Гомес, подожди меня!

Мартинес был молод Он бегал быстро. Мистер Шамуэй, владелец магазина "Солнечные костюмы фирмы Шамуэй", развешивал галстуки и вдруг замер, словно почувствовал, что перед его лавкой творится что-то необычное.

- Лео, - шепнул он помощнику. - Посмотри... Мимо, лишь заглянув в лавку, прошел Гомес. Торопливо прошли, бросив взгляд в открытую дверь, Мануло и Домингес. Вильянасул, Мартинес и Ваменос, толкая друг друга, проделали то же самое.

- Лео, - мистер Шамуэй проглотил слюну, - звони в полицию.

Вдруг все шестеро выросли в дверях. Зажатый между приятелями Мартинес, с неприятным ощущением в желудке, с возбужденным красным лицом, улыбался так широко, что Лео положил трубку на рычаг.

- Вот это да! - тяжело дыша, с выпученными глазами воскликнул Мартинес. - Вот шикарный костюм!

- Нет, - сказал Мануло, глядя борта другого костюма. - Вот этот.

- Есть только один-единственный костюм на свете, - спокойно заявил Гомес. - Мистер Шамуэй, костюм цвета сливочного мороженого, размер тридцать четыре, он был на витрине час назад. Неужели вы его продали?

- Продал? Нет, нет, - облегченно вздохнув, воскликнул мистер Шамуэй. - Он в примерочной. На манекене.

Мартинес не помнил, он ли первым бросился вперед и увлек остальных, или это они побежали и увлекли его за собой, но все вдруг пришло в движение. Мистер Шамуэй поторопился опередить их.

- Сюда, сюда, джентльмены. Ну, а который же из вас.

- Один за всех, все за одного! - услышал свой голос Мартинес и рассмеялся. - Мы все примеряем этот костюм.

- Все? - Мистер Шамуэй ухватился за занавес примерочной, словно его магазин вдруг стал кораблем, попавшим в шторм. Он глядел на них непонимающим взглядом.

"Смотри, смотри, - думал Мартинес, - видишь, мы улыбаемся. А теперь посмотри на наши фигуры. Смерь-ка отсюда сюда и оттуда туда, сверху вниз и снизу вверх, теперь понимаешь?"

Да, мистер Шамуэй все понял. Он кивнул головой. Он пожал плечами.

- Все! - Он широко распахнул занавес примерочной - Сюда. Покупайте костюм, и я дам вам в придачу манекен.

Мартинес осторожно заглянул в примерочную, за ним то же проделали остальные.

Костюм был там.

И он был белый.

Мартинесу стало трудно дышать. Да он и не хотел дышать.

Ему нельзя было дышать. Он боялся, что от его дыхания костюм вдруг растает. Нет, ему достаточно лишь глядеть на этот костюм.

Наконец, глубоко, прерывисто вздохнув, он прошептал:

- Ау, ау, caramba!

- Даже глазам больно, - прошептал Гомес.

- Мистер Шамуэй, - услышал Мартинес шепот Лео. - Это опасный прецедент. Если все начнут покупать один костюм на шестерых...

- Лео, - сказал мистер Шамуэй, - ты когда-нибудь видел, чтобы один костюм стоимостью в пятьдесят девять долларов мог осчастливить сразу шестерых мужчин?

- Крылья ангела, - шептал Мартинес. - Белые крылья ангела.

Мартинес почувствовал, как через его плечо в примерочную просунулась голова мистера Шамуэя.

Белое сияние разлилось по примерочной.

- Знаешь, Лео, - благоговейно прошептал мистер Шамуэй. - Это действительно замечательный костюм.

Гомес, насвистывая, с громкими радостными возгласами взбежал на площадку третьего этажа, обернулся и помахал рукой друзьям; они, смеясь, взбежали за ним, запыхавшиеся, тоже остановились и присели на ступеньки лестницы.

- Сегодня вечером! - крикнул Гомес. - Вы все сегодня вечером переселяетесь ко мне. Мы сэкономим на квартирной плате, на одежде, а? Ну, конечно! Мартинес, костюм у тебя?

- Где же ему быть? - Мартинес высоко поднял красивую подарочную коробку. - Вот он, наш подарок друг другу.

- Ваменос, манекен у тебя?

- Вот он!

Жуя старый сигарный окурочок и разбрасывая вокруг снопы искр, Ваменос вдруг остуился. Манекен упал, перевернулся раза два и с грохотом полетел вниз по ступеням.

- Ваменос! Болван! Растяпа!

Манекен тут же был отобран у Ваменоса. Подавленный Ваменос оглядывался вокруг так, словно что-то потерял.

Мануло щелкнул пальцами.

- Эй, Ваменос, надо отпраздновать. Пойди-ка, возьми вина в долг.

Ваменос ринулся вниз по лестнице, словно комета, оставляя за собой хвост сигарных искр.

Друзья внесли костюм в комнату. Мартинес задержался в коридоре. Он смотрел на Гомеса.

- У тебя больной вид, Гомес.

- Так оно и есть, я болен, - сказал Гомес. - Что я наделал? - Он кивнул в сторону комнаты, где двигались тени трех приятелей, возившихся около манекена. - Я выбрал Домингеса, бабника и волокиту. Ладно. Я выбрал Мануло, который пьет, но зато поет голосом нежным, как у девушки. Хорошо. Вильянасул читает книги. Ты, по крайней мере, моешь за ушами. Но что я сделал дальше? Стал я ждать? Нет. Я захотел купить этот костюм немедленно. И для этого я взял в партнеры неотесанного чурбана и дал ему право надевать мой костюм... - Он растерянно умолк. - Он наденет его, упадет в нем в грязь или выйдет под дождь... Зачем, зачем я сделал это?

- Гомес, - послышался шепот Вильянасула из комнаты. - Костюм уже готов. Иди взгляни, как он выглядит при свете твоей лампочки.

Гомес и Мартинес вошли.

В центре комнаты на манекене висело фосфоресцирующее чудо, белое, сияющее видение с необыкновенно отутюженными лацканами, с потрясающе аккуратными стежками и безукоризненной петлицей. Белый отблеск костюма упал на лицо Мартинеса, и ему показалось, что он в церкви. Белый! Белый! Слово самое белое из всех белых ванильных мороженных, словно парное молоко, доставляемое молочником на рассвете. Белый, как одинокое зимнее облако в лунную ночь. От одного его вида в этой душной летней комнате дыхание людей застывало в воздухе. Даже закрыв глаза Мартинес его видел. Он знал, какого цвета сны будут сниться ему в эту ночь.

- Белый... - шептал Вильянасул - Белый, как снег на вершине горы возле нашего городка в Мексике; эту гору называют Спящая.

- Повтори, что ты сказал, - попросил его Гомес.

Гордый и несколько смущенный Вильянасул был рад повторить.

- ...белый, как снег на вершине горы, которую называют

- А вот и я!

Они испуганно обернулись. В дверях стоял Ваменос с бутылками в руках.

- Празднуем! Смотрите, что я принес! А теперь скажите, кто же наденет костюм сегодня? Я?

- Сейчас уже поздно, - возразил Гомес.

- Поздно! Всего четверть десятого.

- Поздно? - возмущенно повторили остальные. - Поздно?

Гомес попятился назад от этих людей, которые горящими глазами смотрели то на него, то на костюм, то в открытое окно.

За окном внизу был, в сущности, чудесный субботний вечер, и в теплых спокойных сумерках плыли женщины, словно цветы, брошенные в тихие воды ручья. Печальный стон вырвался из груди мужчин.

- Гомес, у меня предложение. - Вильянасул смочил языком кончик карандаша и на листке блокнота составил расписание. - Ты носишь костюм с девяти тридцати до десяти, Мануло - до

десяти тридцати, Домингес - до одиннадцати, я - до половины двенадцатого, Мартинес - до двенадцати, а...

- Почему я должен быть последним? - недовольно воскликнул Ваменос.

Мартинес быстро нашелся и сказал с улыбкой:

- А ведь после двенадцати самое лучшее время, дружище.

- Это верно, - согласился Ваменос. - Я не подумал об этом. Ладно.

Гомес вздохнул.

- Хорошо. Каждый по полчаса. Но с завтрашнего дня, запомните, каждый из нас надевает костюм только раз в неделю. А в воскресенье мы тянем жребий, кому надеть его еще раз.

- Мне! - со смехом воскликнул Ваменос. - Я везучий.

Гомес крепко ухватился за Мартинеса.

- Гомес, ты первый. Надевай же, - подтолкнул его Мартинес.

Гомес не мог оторвать глаз от злополучного Ваменоса. Наконец жестом отчаяния он сорвал с себя сорочку.

- Э-эх!

Тихий шелест полотна - чистая сорочка.

- Ох!..

Как приятно на ощупь чистая одежда, думал Мартинес, держа наготове пиджак. Как она приятно шуршит, как приятно пахнет!

Позвякивание пряжек - брюки; шелест - галстук, подтяжки. Шорох - Мартинес набросил пиджак, и он ловко сел на податливые плечи Гомеса.

- Ole!

Гомес повернулся, как матадор, в чудесном, излучающем сияние костюме.

- Ole, Гомес, ole!

Гомес отвесил поклон и направился к двери.

Мартинес впился глазами в циферблат своих часов. Ровно в десять он услышал чьи-то неуверенные шаги в коридоре, словно человек заблудился. Он открыл дверь и выглянул.

По коридору бесцельно брел Гомес.

У него больной вид, подумал Мартинес. Нет, у него потерянный, потрясенный, удивленный вид.

- Сюда, Гомес, сюда!

Гомес круто повернулся и наконец нашел дверь.

- О, друзья, друзья, - сказал он. - Друзья, вы не представляете!.. Этот костюм, этот костюм!..

- Расскажи нам, Гомес! - попросил Мартинес.

- Не могу, не могу! - Гомес возвел глаза к небу, поднял кверху широко раскинутые руки.

- Расскажи, Гомес!

- Нет слов, нет слов. Вы должны увидеть сами. Да, да, сами... - Он молчал, тряся головой, пока не вспомнил, что все стоят и ждут. - Кто следующий? Мануло!

Мануло в одних трусах выскочил вперед.

- Я готов!

Все засмеялись, закричали, засвистели.

Мануло, надев костюм, ушел. Его не было двадцать девять минут и тридцать секунд. Он вошел в комнату, не отпуская ручку двери, он держался руками за стену, он ощупывал собственные руки, проводил ладонями по лицу.

- Дайте мне рассказать вам, - наконец промолвил он. - Compadres, я зашел в бар. Нет, я не заходил в бар, слышите? Я не пил. Потому что пока я шел туда, я уже начал смеяться и петь. Почему? Почему? - спрашивал я сам себя. Потому, что от этого костюма мне стало веселее, чем от вина. От этого костюма я стал пьян, пьян, пьян! Поэтому я зашел в закусочную "Гвадалахара", играл там на гитаре и спел четыре песни очень высоким голосом. Этот костюм, ах, этот костюм!

Домингес - теперь была его очередь - ушел и вернулся.

Черная записная книжка с телефонными номерами, подумал Мартинес. Она была у него в руках, когда он уходил. А теперь руки его пусты. Что это? Что?

- На улице, - сказал Домингес с широко открытыми глазами, переживая все заново, - когда я шел, одна женщина воскликнула: "Домингес, неужели это ты?" А другая сказала: "Домингес? Нет, это сам Кетсал-коатл, Великий Белый Бог, пришедший с Востока". Слышите? И мне сразу же расхотелось встречаться одновременно с шестью, с восемью женщинами. Должна быть одна, подумал я, одна! И кто знает, что я скажу ей, этой одной. "Будь моей". Или: "Выходи за меня замуж". *Sagamba!* Этот костюм опасен. Но мне плевать на это. Я живу, я живу! Гомес, с тобой тоже такое творилось?

Гомес, все еще ошеломленный тем, что пережил в этот вечер, покачал головой.

- Не надо, не говори. Слишком много всего. Потом. Вильянасул!

Вильянасул смущенно вышел вперед.

Вильянасул смущенно покинул комнату. Вильянасул смущенно вернулся обратно.

- Представьте, - сказал он, ни на кого не глядя, опустив глаза вниз, словно обращался к половицам. - Зеленая площадь, группа пожилых коммерсантов и дельцов под открытым звездным небом - они говорят, кивают головами, опять говорят. Потом один из них что-то шепчет, все поворачиваются, расступаются, и через образовавшийся проход, словно сноп света сквозь льдину, проходит белое видение, а внутри него - я. Я делаю глубокий вдох, в животе у меня словно желе, голос мой еле слышен, но вот он становится громче. Что же я говорю? Я говорю: "Друзья, вы читали "Sartor Resartus" Карлейля? В этой книге мы находим изложение его философии одежды..."

Наконец пришла очередь Мартинеса надеть костюм и отправиться в неизвестность.

Четыре раза он обошел квартал, четыре раза останавливался под балконом дома и глядел вверх на освещенное окно: там двигалась тень - за этим окном была прекрасная девушка, она появлялась и исчезала. Лишь на пятый раз он увидел ее на балконе - летняя жара выгнала ее из комнаты подышать ночной прохладой. Она посмотрела вниз. Она сделала знак.

Вначале ему показалось, что она машет ему. Ему показалось, что он привлек ее внимание, словно белый гейзер. Но она никому не махала. Еще жест - и пара очков в темной оправе украсила ее переносицу. Девушка посмотрела на Мартинеса.

"Ага, вот оно что, - подумал он. - Ну что ж, даже слепые видят этот костюм". Он улыбнулся ей. Ему уже не надо было махать ей рукой. Наконец-то и она улыбнулась в ответ. И ей тоже не надо было махать ему рукой. А потом, возможно, потому, что он не знал, как ему быть дальше и как избавиться от улыбки, которая растянула его рот до ушей, он бросился наутек и завернул за угол, чувствуя на себе взгляд девушки. Когда он обернулся, она уже сняла очки и следила близоруким взглядом за тем, что ей, должно быть, казалось движущимся белым пятном в темноте. Затем, чтобы прийти в себя, он снова завернул за угол и зашагал через весь город, ставший внезапно таким прекрасным, что ему захотелось кричать, смеяться и снова кричать.

Возвращаясь, он шел медленно, словно во сне, с полузакрытыми глазами; и когда он появился в дверях, все увидели не Мартинеса, а самих себя, возвращающихся домой. И все вдруг поняли, что с ними что-то происходит...

- Ты опоздал! - воскликнул Ваменос, но тут же умолк. Нельзя было разрушать чары.

- Скажите мне, кто я? - сказал Мартинес.

Медленно он сделал круг по комнате.

Да, думал он, это сделал костюм и все, что связано с ним, то, как они пошли все вместе в магазин, смеющиеся и, как сказал Мануло, без вина пьяные. По мере того как сгущалась темнота и каждый по очереди натягивал брюки, балансируя на одной ноге и держась рукой за плечи других, чувства их росли, становились теплее, лучше; один за другим они выходили за дверь, один за другим возвращались, пока снова не пришел черед Мартинеса стоять во всем великолепии и белизне, так, словно он готовился отдать какое-то приказание и все должны были умолкнуть и расступиться.

- Мартинес, пока тебя не было, мы достали три зеркала. Посмотри.

В зеркалах, поставленных, как в магазине, отражалось три Мартинеса, а за ним тени и эхо тех, кто надевал костюм до него и ходил глядеть на сверкающий мир. В блестящей глади зеркал Мартинес увидел огромность того, что они переживали, и глаза его наполнились слезами.

Другие тоже заморгали. Мартинес коснулся зеркал. Они задрожали. Мартинес увидел тысячу, миллион Мартинесов в белоснежных одеяниях, проходящих через вечность, еще и еще раз отраженных в ней, не исчезающих и нескончаемых.

Он поднял белый пиджак в воздух. В оцепенении остальные не сразу сообразили, чья грязная рука протянулась к нему.

А затем:

- Ваменос!

- Свинья!

- Ты даже не умылся! - закричал Гомес - И не побрился, пока ждал. Compadres, в ванну его!

- В ванну! - закричали все.

- Нет! - завопил Ваменос. - Ночной воздух, я заболею!

Кричащего Ваменоса поволокли в ванну.

Ваменос был почти неправдоподобен в белом костюме, побритый, причесанный, с чистыми ногтями.

Его друзья мрачно взирали на него.

Ибо разве не верно, думал Мартинес, что, когда идет Ваменос, лавины низвергаются с гор, а когда он проходит по тротуару, обитателям домов хочется плевать из окон, или выливать помой, или еще хуже. Сегодня, в этот вечер, Ваменос пройдет под тысячами раскрытых окон, балконов, по глухим, темным переулкам. Мир жужжит от мух, а Ваменос похож на свежемороженый торт.

- Ты действительно здорово выглядишь в этом костюме, Ваменос, - грустно сказал Мануло.

- Спасибо. - Ваменос передернул плечами, чтобы поудобнее чувствовать себя в костюме, в котором только что перебивали все его друзья. Тихим голосом он спросил: - Теперь я могу идти?

- Вильянасул! - сказал Гомес - Запиши-ка ему правила.

Вильянасул послюнил огрызок карандаша.

- Во-первых, - диктовал Гомес, - ты не имеешь права падать в этом костюме, Ваменос.

- Не буду.

- Прислоняться к стенам домов.

- Никаких стен.

- Ходить под деревьями, где гнездятся птицы. Курить. Пить..

- Пожалуйста, - взмолился Ваменос, - можно мне садиться в этом костюме?

- Если стул не слишком чистый, снимай брюки и вешай на спинку стула.

- Пожелайте мне счастья, - сказал Ваменос.

- С богом, Ваменос.

Он вышел и захлопнул за собой дверь. И вдруг все услышали звук рвущейся материи.

- Ваменос! - завопил Мартинес.

Он бросился к двери, распахнул ее Ваменос держал в руке разорванный надвое носовой платок и хохотал.

- Тр-р-р! Видели бы вы свои рожи! Тр-р-р! - Он разорвал платок в клочья. - Ну и рожи! Вот умора. Ха-ха-ха!

С громоподобным хохотом Ваменос захлопнул дверь перед обескураженными друзьями и ушел.

Гомес схватился за голову и отвернулся.

- Бейте меня, бросайте в меня камнями. Я продал наши души дьяволу.

Вильянасул сунул руку в карман, вытащил серебряную монетку и долго глядел на нее.

- Вот мои последние пятьдесят центов. Кто еще может дать деньги, чтобы выкупить у Ваменоса его часть костюма?

- Бесполезно. - Мануло показал десять центов. - Этого хватит выкупить лишь борта да петлицы.

Гомес, стоявший у открытого окна, внезапно высунулся из него и закричал:

- Нет, Ваменос, нет!

Внизу на улице испуганный Ваменос погасил спичку и швырнул на землю где-то подобранный сигарный окурочок. Он сделал странный жест приятелям, глядевшим в окно, затем небрежно помахал им рукой и зашагал прочь.

Пятеро друзей теснили и толкали один другого, не в силах отойти от окна.

- Клянусь, он в этом костюме будет есть шницель по-гамбургски, - с тоской прошептал Вильянасул. - Я думаю о горчице.

- Перестань! - воскликнул Гомес. - Не может этого быть! Не может!

Внезапно Мануло очутился у двери.

- Мне необходимо промочить горло.

- Мануло, вино в бутылке на полу.

Но Мануло был уже за дверью. Через минуту Вильянасул с деланно безразличным видом потянулся и прошелся по комнате.

- Пожалуй, пойду прогуляюсь до площади, друзья. Не прошло и минуты после его ухода, как Домингес, помахав друзьям записной книжкой, подмигнул и взялся за дверную ручку.

- Домингес! - окликнул его Гомес.

- Что?

- Если случайно увидишь Ваменоса, скажи ему, чтобы не ходил к Мики Мурильо в "Красный петух". Там драки не только на экране телевизора.

- Он не посмеет пойти к Мурильо, - сказал Домингес. - Ваменосу слишком дорог этот костюм. Он не сделает ничего такого, что может причинить костюму вред.

- Он скорее убьет родную мать, - добавил Мартинес.

- Уверен, что он способен на это, - сказал Гомес. Мартинес и Гомес остались одни в комнате, прислушиваясь к торопливым шагам Домингеса, сбегавшего по лестнице. Они обошли вокруг голого манекена. Затем Гомес долго стоял у раскрытого окна и глядел вниз, покусывая губы. Рука его дважды касалась нагрудного кармана сорочки, и каждый раз он отдергивал Ее. Наконец он вынул что-то из кармана и, даже не взглянув, протянул Мартинесу.

- Возьми, Мартинес.

- Что это?

Мартинес глядел на сложенную вдвое розовую бумажку с какими-то цифрами и словами. Глаза его расширились от удивления.

- Билет на автобус, отходящий в Эль-Пасо через три недели?

Гомес кивнул. Он не смотрел на Мартинеса. Он смотрел в окно на летнюю ночь.

- Верни его в кассу и получи обратно деньги, - сказал он. - Купи к нашему костюму хорошую белую панаму и бледно-голубой галстук. Сделай это, Мартинес.

- Гомес...

- Молчи. Ну и духота же здесь. Мне надо подышать свежим воздухом.

- Гомес! Я тронут, Гомес...

Дверь комнаты зияла пустотой. Гомес ушел.

"Красный петух", кафе и коктейль-бар Мики Мурнльо был зажат между двумя высокими кирпичными домами и поэтому, будучи узким по фасаду, вынужден был вытянуться вглубь. Снаружи шипел, гас и снова загорался неоновый серпантин вывески. Внутри проплывали мимо окон и снова исчезали в глубине бурлящего ночного бара туманные тени.

Мартинес, приподнявшись на носках, заглянул в светлый глазок размалеванного красной краской окна.

Он почувствовал чье-то присутствие слева от себя и чье-то дыхание справа. Он посмотрел налево, потом направо.

- Мануло! Вильянасул!

- Я пришел к выводу, что мне совсем не хочется пить, - сказал Мануло - Я решил просто прогуляться.

- Я шел в сторону площади, - сказал Вильянасул, - но мне захотелось пройти этой дорогой.

Словно сговорившись, все трое тут же умолкли и, встав на цыпочки, стали смотреть в бар через глазки в размалеванном окне.

Спустя несколько мгновений они почувствовали за спиной чье-то частое дыхание.

- Что, наш белый костюм там? - услышали они голос Гомеса.

- Гомес! - воскликнули все трое удивленно. - Хэй!

- Да! - сказал Домингес, который только сейчас нашел удобный глазок в окне. - Вот он! И, хвала господу, он все еще на плечах у Ваменоса.

- Я не вижу! - Гомес прищурился и приложил ладонь козырьком к глазам. - Что он там делает?

Мартинес тоже посмотрел. Да, там, в глубине бара, белое снежное пятно, идиотская ухмылка Ваменоса и клубы дыма.

- Он курит! - сказал Мартинес

- Он пьет! - сказал Домингес.

- Он ест тако, - сообщил Вильянасул

- Сочное тако, - добавил Мануло

- Нет! - воскликнул Гомес. - Нет, нет, нет!..

- С ним Руби Эскадрилье!

- Дайте-ка мне взглянуть! - Гомес оттолкнул Мартинеса.

Да, это Руби - сто килограммов жира, втиснутые в расшитый блестками тугой черной шелк; пунцовые ногти впились к плечи Ваменоса, обсыпанное пудрой, измазанное губной помадой тупое коровье лицо наклонилось к его лицу.

- Эта гиппопотамша! - воскликнул Домингес. - Она изуродует плечи костюма Посмотрите, она собирается сесть к нему на колени!

- Нет, нет, ни за что! Такая намазанная и покрашенная! - застонал Гомес. - Мануло, марш туда! Отними у него стакан. Вильянасул, хватай сигару и тако! Домингес, назначь свидание Руби Эскадрилье и уведи ее отсюда. Andale, ребята!

Трое исчезли, оставив ахающих от ужаса Гомеса и Мартинеса подглядывать в окно.

- Мануло отнял стакан, он выпивает вино!

- Ole! А вон Вильянасул, он схватил сигару, он ест тако.

- Хэй, Домингес отводит в сторону Руби! Вот молодец!

Какая-то тень скользнула с улицы в дверь заведения Мурильо.

- Гомес! - Мартинес схватил Гомеса за руку. - Это Бык Ла Джолья, дружок Руби. Если он увидит ее с Ваменосом, белоснежный костюм будет залит кровью, кровью!..

- Не пугай меня! - воскликнул Гомес. - А ну быстрее!

Оба бросились в бар. Они были около Ваменоса как раз в тот момент, когда Бык Ла Джолья сгреб своими ручищами лацканы прекрасного костюма цвета сливочного мороженого.

- Отпусти Ваменоса! - закричал Мартинес.

- Отпусти костюм, - уточнил Гомес.

Бык Ла Джолья и приподнятый вверх и приплясывающий на цыпочках Ваменос злобно уставились на непрошенных гостей.

Вильянасул застенчиво вышел вперед. Вильянасул улыбнулся.

- Не бей его. Ударь лучше меня.

Бык Ла Джолья ударил Вильянасула в лицо. Вильянасул, схватившись за разбитый нос, с глазами полными слез отошел в сторону.

Гомес схватил Быка за одну ногу, Мартинес за другую.

- Пусти его, пусти, реон, союте, васа! - Но Бык Ла Джолья еще крепче ухватился ручищами за лацканы костюма, и все шестеро друзей застонали от отчаяния. Он то отпускал лацканы, то снова мял их в кулаке. Он готовился как следует рассчитаться с Ваменосом, но к нему снова приблизился Вильянасул с мокрыми от слез глазами.

- Не бей его, бей меня.

Когда Ла Джолья снова ударил Вильянасула, на его собственную голову обрушился сокрушительный удар стулом.

- Ole! - воскликнул Гомес.

Бык Ла Джолья пошатнулся, заморгал глазами, словно раздумывая, растянуться ему на полу или не стоит, однако не отпустил Ваменоса.

- Пусти! - закричал Гомес. - Пусти!

Один за другим толстые, как сосиски, пальцы Быка разжались и отпустили лацканы костюма. Через секунду он уже неподвижно лежал на полу.

- Друзья, сюда!

Они вытолкнули Ваменоса на улицу; там с видом оскорбленного достоинства он высвободился из их рук.

- Ладно, ладно, мое время еще не истекло. У меня еще две минуты и десять секунд.

- Что?! - возмущенно воскликнули все.

- Ваменос, - сказал Гомес, - ты позволил, чтобы гвадалахарская корова села тебе на колени, ты затеваешь драки, ты куришь, пьешь, ешь тако, а теперь еще осмеливаешься говорить, что твое время не истекло!

- У меня еще две минуты и одна секунда.

- Эй, Ваменос, ты сегодня шикарный, - донесся с противоположного тротуара женский голос.

Ваменос улыбнулся и застегнул пиджак.

- Это Рамона Альварес. Эй, Рамона, подожди!

Ваменос ступил на мостовую.

- Ваменос! - умоляюще крикнул вдогонку Гомес. - Что можешь ты сделать за одну минуту... - он взглянул на часы, - и сорок секунд?

- Вот увидите. Рамона!

Ваменос устремился к цели.

- Ваменос, берегись!

Удивленный Ваменос круто обернулся и увидел машину, услышал скрежет тормозов.

- Нет! - завопили пятеро друзей на тротуаре. Услышав глухой удар, Мартинес содрогнулся. Он поднял голову - казалось, кто-то швырнул в воздух охапку белого белья. Он закрыл глаза.

Теперь он слышал каждый звук. Кто-то с шумом втянул в себя воздух; кто-то громко выдохнул. Кто-то задохнулся, кто-то застонал, кто-то громко зывал к милосердию, а кто-то закрыл руками лицо. Мартинес почувствовал, что сам он колотит себя кулаками в грудь/ Ноги его словно приросли к земле

- Я не хочу больше жить, - тихо сказал Гомес. - Убейте меня кто-нибудь

Тогда, неуклюже покачиваясь, Мартинес взглянул на свои ноги и приказал им двигаться. Он наткнулся на кого-то из друзей - они все теперь двинулись вперед. Они пересекли улицу, тяжело, с трудом, словно перешли вброд глубокую реку, и обступили лежавшего Ваменоса/

- Ваменос! - воскликнул Мартинес. - Ты жив?

Лежа на спине, с открытым ртом и крепко зажмуренными глазами, Ваменос тряс головой и тихо стонал.

- Скажите мне, о, скажите мне...

- Что тебе сказать, Ваменос?

Ваменос сжал кулаки, заскрежетал зубами.

- Костюм... что я сделал с костюмом... костюм, костюм!

Приятель нагнувшись к нему пониже.

- Ваменос!.. Он цел!

- Вы лжете! - крикнул Ваменос - Он разорван, он не может быть не разорван, он разорван весь... и подкладка тоже!

- Нет, - Мартинес стал на колени и ощупал костюм - Ваменос, он цел, даже подкладка.

Ваменос открыл глаза и наконец дал волю слезам.

- Чудо, - рыдая, вымолвил он. - Славьте всех святых. - Он с трудом приходил в себя. - А машина?

- Сшибла тебя и скрылась! - Только сейчас Гомес вспомнил о машине и гневно посмотрел вдоль пустой улицы. - Счастье его, что он успел удрать. Мы бы его...

Все прислушались.

Где-то вдалеке завывала сирена.

Кто-то вызвал скорую помощь.

- Быстро! - яростно выкрикнул Ваменос, ворочая белками. - Посадите меня! Снимайте пиджак!

- Ваменос...

- Замолчите, идиоты! - орал Ваменос. - Пиджак! А теперь брюки, брюки, побыстрее! Вы знаете докторов? Вы видели, какими их показывают в кино? Чтобы снять брюки с человека, они разрезают их бритвой. Им плевать! Они сущие маньяки. О господи, быстрее!

Сирена выла.

Друзья в панике все вместе бросились раздевать Ваменоса.

- Правую ногу... Да осторожней! Побыстрее, ослы! Хорошо. Теперь левую, слышите, левую Поосторожней! О господи! Быстрее! Мартинес, снимай с себя брюки!

- Что?! - застыл от неожиданности Мартинес.

Сирена ревела.

- Идиот! - стонал Ваменос. - Все пропало. Давай брюки.

Мартинес рванул ремень.

- Станьте в круг.

В воздухе мелькнули темные брюки, светлые брюки.

- Скорее, маньяки с бритвами уже здесь. Правую ногу, левую ногу, вот так. Молнию, ослы, застегните мне молнию... - бормотал Ваменос.

Сирена умолкла.

- Madre mia, еле успели. Они уже здесь. - Ваменос вытянулся на земле и закрыл глаза. - Спасибо, ребята.

Когда мимо проходили санитары, Мартинес, отвернувшись, с невозмутимым видом застегивал ремень белых брюк.

- Перелом ноги, - сказал один из санитаров, когда Ваменоса укладывали на носилки.

- Ребята, - сказал Ваменос, - не сердитесь на меня.

- Кто сердится? - хмыкнул Гомес.

Уже из машины, лежа на носилках, с запрокинутой головой, так что ему все виделось как бы вверх ногами, Ваменос, запинаясь, сказал:

- Ребята, когда... когда я вернусь из больницы... вы меня не выбросите из компании? Знаете что, я брошу курить, никогда и близко не подойду к бару Мурильо, зарекаюсь глядеть на женщин...

- Ваменос, - мягко сказал Мартинес, - не надо клясть.

Запрокинутая голова Ваменоса с глазами, полными слез, глядела на Мартинеса в белоснежном костюме.

- О Мартинес, тебе так идет этот костюм. Compadres, да ведь он у нас просто красавец!

Вильянасул сел в машину возле Ваменоса. Дверца хлопнула. Четверо друзей смотрели, как отъехала машина.

А потом под надежной охраной в белом как снег костюме Мартинес благополучно перешел мостовую и ступил на тротуар.

Придя домой, Мартинес достал жидкость для удаления пятен. Друзья, окружив его, наперебой советовали, как чистить костюм, а потом как его лучше отгладить, и не слишком горячим утюгом, особенно лацканы и складку на брюках.

Когда костюм был вычищен и отглажен так, что снова стал похож на только что распутившуюся белую гардению, его повесили на манекен.

- Два часа ночи, - пробормотал Вильянасул. - Надеюсь, Ваменос спокойно спит. Когда я уходил из больницы, у него был вполне приличный вид.

Мануло откашлялся.

- Никто не собирается надевать костюм сегодня, а?

Все гневно уставились на него.

Мануло покраснел.

- Я только хотел сказать, что уже поздно. Все устали. Может, никто не будет трогать костюм сегодня, а? Дадим ему отдохнуть. Ладно? Где мы разместимся на ночь?

Ночь была душной, и спать в комнате было невозможно. Взяв манекен с костюмом, прихватив с собой подушки и одеяла, друзья вышли в коридор, чтобы подняться по лестнице на крышу. Там, подумал Мартинес, ветерок и можно уснуть.

Проходя по коридору, они миновали десятки открытых дверей, где люди, обливаясь потом от жары, все еще не спали, играли в карты, пили содовую и обмахивались вместо вееров старыми киножурналами.

"А что, если? А что... - думал Мартинес - Да, так оно и есть!"

Четвертая дверь, ее дверь, была тоже открытой. И когда они проходили мимо этой двери, красивая девушка подняла голову. Она была в очках, но, увидев Мартинеса, поспешно сняла их и накрыла книгой.

Друзья прошли мимо, даже не заметив, что Мартинес отстал, что он остановился как вкопанный в дверях чужой комнаты.

Он долго не мог произнести ни слова. Потом наконец представился:

- Хосе Мартинес.

- Селия Обрегон, - ответила девушка.

И оба снова умолкли.

Мартинес слышал, как его друзья уже ходят по крыше. Он повернулся, чтобы уйти, уже сделал несколько шагов, как девушка вдруг торопливо сказала:

- Я видела вас сегодня.

Мартинес вернулся.

- Мой костюм, - сказал он.

- Костюм? - Девушка умолкла, раздумывая. - При чем здесь костюм?

- Как при чем? - воскликнул Мартинес.

Девушка подняла книгу и показала лежавшие под ней очки. Она коснулась их рукой.

- Я очень близорука. Мне надо постоянно носить очки. Но я много лет отказываюсь от них, я прячу их, чтобы никто меня в них не видел, поэтому я почти не вижу. Но сегодня даже без очков я увидела. Огромное белое облако, выплывшее из темноты. Такое белое-белое! Я быстро надела очки.

- Я же сказал - костюм! - воскликнул Мартинес.

- Да, сначала белоснежный костюм, а потом совсем другое.

- Другое?

- Да, ваши зубы Такие белые-белые.

Мартинес поднес руку к губам.

- Вы были такой счастливый, мистер Мартинес, - сказала девушка. - Я никогда не видела такого счастливого лица и улыбки.

- А-а, - ответил он, заливаясь краской, не в силах посмотреть ей в лицо.

- Так что видите, - продолжала девушка, - ваш костюм привлек мое внимание, это верно, как белое видение в ночи. Но ваши зубы были еще белее. А о костюме я уже забыла.

Мартинес еще сильнее покраснел. Девушка тоже была смущена Она надела очки, но снова поспешно сняла их и спрятала. Она посмотрела на свои руки, а потом куда-то поверх его головы в открытую дверь.

- Можно мне... - наконец сказал Мартинес.

- Что можно?

- Можно мне зайти к вам, когда снова придет моя очередь надеть костюм?

- Зачем вам костюм?

- Я думал...

- Вам не нужен костюм.

- Но...

- Если бы все дело было в костюме, - сказала девушка, - каждый смог бы стать красивым. Я наблюдала. Я видела многих в таких костюмах, и все они были другими. Говорю вам, не надо ждать этого костюма!

- Madre mia, madre mia, - воскликнул счастливый Мартинес. А затем, понизив голос, произнес: - Но какое-то время костюм мне все-таки нужен. Месяц, полгода, год. Я еще не уверен в себе. Я много боюсь. Мне не так уж много лет.

- Так и должно быть, - сказала девушка.

- Спокойной ночи, мисс...

- ...Селия Обрегон.

- Мисс Селия Обрегон, - повторил он и наконец ушел.

Друзья уже ждали Мартинеса. Когда он вылез на крышу через чердачное окно, первое, что он увидел, был манекен с костюмом, водруженный в самом центре, а вокруг него - одеяла и подушки. Его друзья уже укладывались спать. Приятно дул прохладный ветерок.

Мартинес подошел к костюму, погладил лацканы и сказал почти про себя:

- Эх, caramba, что за вечер! Кажется, прошло десять лет с тех пор, как все это началось. У меня не было ни одного друга, а в два часа ночи у меня их сколько угодно... - он умолк, вспомнив о Селии Обрегон, о Селии... - Сколько угодно, - продолжал он. - У меня есть где спать, есть что надеть. Знаете что? - Он повернулся к друзьям, лежавшим вокруг него и манекена с костюмом. - Смешно, но в этом костюме я знаю, что могу выиграть, как Гомес, я знаю, что женщины будут "улыбаться мне, как улыбаются Домингесу, и что я смогу петь, как поет Мануло, и говорить о политике, как Вильянасул. Я чувствую, что я такой же сильный, как Ваменос. Ну и что же, спросите вы? А то, что сегодня я больше чем Мартинес. Я - Гомес, Мануло, Домингес, Вильянасул, Ваменос. Я - это все мы. Эх...

Он постоял еще немного возле костюма, который вобрал в себя все их черты, привычки, характеры. В этом костюме можно было бы идти быстро и стремительно, как Гомес, или медленно и задумчиво, как Вильянасул, или плыть по воздуху, едва касаясь земли, как Домингес, которого всегда, казалось, несет на своих крыльях попутный ветерок. Этот костюм принадлежит им всем, но и они тоже принадлежали этому костюму. Чем же он был для них? Он был их парадным фасадом.

- Ты ляжешь когда-нибудь спать, Мартинес? - спросил Гомес.

- Конечно. Я просто думаю.

- О чем?

- Если мы когда-нибудь разбогатеем, - тихо сказал Мартинес, - я не обрадуюсь этому. Тогда у каждого из нас будет свой собственный костюм и не будет таких вечеров, как этот. Наша дружба кончится. Все тогда станет другим.

Друзья лежали молча и думали о том, что сказал Мартинес.

Гомес легонько кивнул головой.

- Да... тогда все станет другим.

Мартинес лег на свое одеяло. Вместе со всеми он смотрел на манекен.

Неоновые рекламы на соседних домах вспыхивали и гасли, освещая счастливые глаза друзей, вспыхивали и гасли, освещая чудесный костюм цвета сливочного мороженого.